

На автобане Современности

Модернизация Беларуси: совершенствование и трансформация

Анатолий ЛАЗАРЕВИЧ,
директор Института
философии НАН Беларуси,
кандидат философских
наук, доцент

Илья ЛЕВЯШ,
доктор философских наук,
профессор

Если свести многообразные тенденции мировой динамики в начале XXI века к единому знаменателю, то он выражается в общепринятом термине «модернизация». Тем не менее хотелось бы предостеречь от использования термина «модернизация» как популистской, удобной для отчетов моды. Подобное вербальное единодушие обманчиво, и за ним могут скрываться совершенно различные интересы и ценности глобальных, региональных и локальных субъектов. Еще столетие тому назад Н. Бердяев пронизательно заметил, что фактически они «живут в разных веках, на разных планетах», и примеров существования целых общностей людей и государств как будто в наше время, но в традиционном состоянии, бесконечно много.

Это означает, что те субъекты, которые рассматривают мировые процессы нашего времени не как угрозу, а конструктивный Вызов, должны в буквальном смысле быть нашими современниками. Такой подход требует не темпорального, а сущностного понимания смысла Сове-

ренности. Этот смысловтермин с большой буквы не случаен. В экспертной среде (не говоря уже о политиках) как-то осталась незамеченной конкретизация модели современного модернизационного процесса профессором Упсальского университета директором Шведского колледжума высших

ОБ АВТОРАХ

ЛАЗАРЕВИЧ Анатолий Аркадьевич.

Родился в 1958 году в Сенненском районе Витебской области. Окончил физико-математический факультет Витебского государственного педагогического института (1980), аспирантуру Института философии и права Академии наук БССР (1988). С 1988 по 1997 год – младший научный, научный, старший научный сотрудник, ученый секретарь Института философии и права, с 1997 года – заместитель директора по научной работе Института философии НАН Беларуси. С 2009 года – директор Института философии Национальной академии наук Беларуси. Кандидат философских наук (1988), доцент (2001). Автор более 200 научных работ.

Сфера научных интересов: эпистемология, современные проблемы техногенной цивилизации, философия постиндустриального и информационного общества.

ЛЕВЯШ Илья Яковлевич.

Родился в 1937 году. В 1960 году окончил Одесский государственный университет имени И.И. Мечникова.

В 1968 году защитил кандидатскую диссертацию по философии в Институте философии АН СССР.

В 1960–2008 годах работал старшим преподавателем, доцентом, профессором в различных учреждениях образования Беларуси, России и Украины. С 1979 по 1982 год – заведующий кафедрой философии Николаевского кораблестроительного института. В 1999–2001 годах – заведующий кафедрой культурологии Минского лингвистического университета. С 2009 года – главный научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси. С 2011 года – главный научный сотрудник Центра глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Института философии НАН Беларуси.

Доктор философских наук (1977), профессор (1979).

Опубликовал более 300 научных работ, свыше трех десятков монографий.

Сфера научных интересов: постдисциплинарное знание как синтез социальной философии, политологии, культурологии, глобалистики, геополитики, регионалистики, философии образования.

исследований в области общественных наук Б. Виттроком. Он пишет о существенных различиях между темпорально и сущностно понятой Современностью: «Требуется ввести те или иные сущностные параметры... какие обычаи и институты современны, а какие – нет. Общество современно только при условии, что ряд ключевых для него институтов и типов поведения правомерно называть современными». По Виттроку, адекватно понятая современность не сводится к «совокупности технологических и организационных нововведений», порожденных и иницируемых индустриализацией и урбанизацией. Это также новые институты, способные «стимулировать непрерывный процесс инноваций»: регулируемый рынок, коэволюция демократического государства и гражданского общества, но прежде всего это «культурные слагаемые современности, а именно этой частью своего собственного наследия социальная наука склонна пренебрегать» [1, с. 141, 144]. Итак, сущностно многомерная Современность не сводима к своему технико-экономическому компоненту. Во многом это и культурно-политическая модернизация, коэволюция государства и гражданского общества, которая обуславливает прочную легитимность политической власти и отсюда – ее надежно прогнозируемую перспективность. Современность является не подменой терминов «Модерн», «модернизация», а базируется на них и является их конкретно-историческим развитием.

По историческому первосмыслу Модерн гораздо шире современных представлений о нем, и изначально он был наделен шокирующим для нас значением. Впервые термин «модерн» (фр. *modern* – новый, современность) был употреблен в V веке н. э. для различения официального статуса христианства в настоящем и языческого прошлого Рима. С тех пор «модерным» не просто принято считать все новое: уже начиная с 381 года закон рассматривал язычество как преступление, и оно решительно пресекалось мечом. В Средние века наступила очередь инквизиции.

Позднее, в более привычном смысле, термин «модерн» стал означать переход от традиционного к индустриальному обществу или составляющую содержание этого процесса модернизацию. В самом предельном виде, в зависимости от конкретно-

исторического контекста, она подразделяется на догоняющую, имитационную или, напротив, на опережающую модернизацию. Но распространен и третий вариант, предложенный философами: «Речь не о том, чтобы быть впереди, а о том, чтобы быть самим собой». Наиболее емкое, интегральное определение такого перехода – это трансформация общества как целостности. Поскольку термин «модерн» крайне полисемантичен, уточним, что это не просто совершенствование тех или иных компонентов общества в пределах уже традиционной парадигмы, а его широкомасштабное, преимущественно эволюционное, но динамичное преобразование, подчиняющееся законам системности, взаимообусловленности и синергии своих подсистем. Трансформационный процесс охватывает все основные структуры общества, предполагает серию реформ как «сверху», так и «снизу», и его ход зависит от реформаторски ориентированных больших социальных групп.

Отсюда – принципиальная неоднозначность, незаданность окончательного исхода процесса. Он включает в себя ряд кризисов – состояний обострения противоречий определенного общества. Сам по себе кризис имеет множество значений, что отнюдь не означает «конца света». По классическому определению, «всякий кризис означает (при возможности временной задержки и регресса) а) ускорение развития б) обострение противоречий в) обнаружение их г) крах всего гнилого и т.д.» [2, с. 372]. Кризисы – это испытания жизненной силы коренных интересов, ценностей, смыслов и ориентаций общества, которое вовлечено в трансформационный процесс.

Заслуживает внимания определенная неоднозначность реформ. Они могут быть контрреформацией – воспроизводством прежних по существу, хотя и в новых формах, отношений и структур, и становятся подлинными реформами при условии действительного кардинального обновления общества и с ним – его элит, социальных институтов, ментальности.

Когда никакие внутритиповые трансформации уже не приводят к эффекту феникса, происходит межтипковая трансформация – крупномасштабный и системный скачок в развитии определенной модели общества, обновление ее ценностно-смыслового ядра и переход на другой, бо-

лее высокоорганизованный уровень. Радикальная «смена вех» осуществляется в серии многообразных эволюций духовного, научно-технического и технологического, социально-политического характера.

Соотношение модернизации и инновационной деятельности

Подлинная трансформация общества неотделима от инновационной деятельности. Это, безусловно, сопряженные, но не равнозначные, а, скорее, тождественные понятия.

В диалектическом аспекте инновации – это наиболее зрелые феномены модернизации, но она – далеко не всегда инновации. Используемая ныне в качестве нормативной трактовка последних в соответствии с «Руководством Фраскати» (документ, принятый Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1993 году в итальянском городе Фраскати) все же не содержит ясных критериев новизны и не лишена двусмысленности различения подлинно «нового» и «усовершенствованного».

В содержательном сборнике «Принуждение к инновациям: стратегия для России» поставлен вопрос «о теоретической сумятице в понимании... модернизации и инноваций». Авторы методологически корректно отмечают, что «в данном случае плюрализм неуместен – модернизация в теоретическом преломлении и практическом воплощении не равна инновациям. Укоренившаяся трактовка модернизации и инноваций как синонимов существенно усложняет начало модернизационных процессов».

Теоретический аспект расставляет эти категории по разным углам вследствие нескольких ключевых соображений. Модернизация – процесс становления зрелого индустриального общества, сопровождающийся демонтажем архаичных социально-экономических систем... Становление инновационной экономики следует отнести к более высокому типу общества, в котором, как отмечали К. Маркс в XIX веке и Д. Белл в XX веке, наука «становится непосредственной производительной силой», а «прогресс общества все более однозначно определяется успехами в области знания»... инновационная экономика – в отличие от модернизации – формируется естественным

путем на протяжении десятилетий, если не на протяжении смены нескольких поколений... Однако инновации или не имеющие аналогов продуктовые или управленческие разработки – это не «ознакомление» и не «изобретение» хорошо известных в других странах технологий, а создание качественно новых продуктов и решений... модернизация вовсе не обязательно должна привести... к становлению инновационной экономики» [3, с. 30].

Такое, на наш взгляд, адекватное понимание соотношения модернизации и инноваций как различных ступеней зрелости общества еще не стало нормативным, но постепенно получает все большее распространение. В обстановке всеобщего ажиотажа вокруг инновационной деятельности как панацеи от всех глобальных, региональных и национально-государственных проблем прозвучал отрезвляющий вопрос: «Всегда ли нова инновация?» «Когда говорят «инновация», – отмечает российский эксперт В. Кудров, – то часто не задумываются над определением этого понятия. Базой инноваций, естественно, являются знания, точнее, новые знания, новации. Однако инновация это не только технический или производственный продукт в виде нового товара или услуги, но в широком смысле это еще и новый производственный и организационный процесс, новый производственный аппарат и менеджмент и даже новый, то есть модернизированный человек – как производитель, так и потребитель этого нового продукта. Тем не менее инновация, как принципиально новый продукт знаний или НИОКР, может быть новым для одной страны, отрасли или фирмы, но созданным в другой стране, отрасли и фирме и заимствованным у них... в строгом смысле такой продукт инновацией не считается. Инновация – это продукт первооткрывателя или первопроходца, но не тех, кто его приобрел. Поэтому если... страна использует чужую инновацию, что, конечно, хорошо, но последняя все же не входит в ее национальный инновационный процесс». На деле же отделить «свое» и «чужое» в инновационном процессе любой страны очень трудно. И практически «свои» и «чужие» новинки считаются инновациями» [4, с. 87].

Такой финал можно понять, но, если исходить из долгосрочных, а не конъюнктурных интересов общества, его невозможно

принять. Зерна инновационной деятельности нередко действительно трудно отделить от их имитации, но если этого не сделать сегодня, завтра будет поздно, и мы останемся в ситуации только «догоняющей» модернизации.

В этих вопросах востребовано постижение логики качественных скачков – от экстенсивного типа хозяйствования в традиционной среде к его интенсификации на зрелой ступени Модерна, вплоть до его оптимизации на базе перехода к неомодерну, или креативному информационному «обществу знаний». Ключом к пониманию существенных различий между этими ступенями зрелости типов хозяйствования, и шире – производства общественного богатства, может быть глубокая мысль П. Чаадаева (затем ее воспроизвел Ф. Ницше): «Мы растем, но не развиваемся». Ранее рост достигался за счет экстенсивной эксплуатации живого и овеществленного труда, ограниченной только мерой классового протеста. Затем, с исчерпанием неограниченных ресурсов обеих его составных, научно-технический прогресс стал базисом интенсификации труда, но в течение нескольких десятилетий пределы непосредственной взаимосвязи в системе «человек – машина» исчерпали и этот ресурс. В повестке дня – оптимум как достижение цели при минимуме человеческих и «вещных» ресурсов. Этот подход требует кардинальной трансформации не тех или иных составных производства общественного богатства, а целостной модернизации системы «общество – производство – управление», ее структурно-динамической перестройки на инновационной основе.

Такая целостность предполагает формирование и развитие своего системообразующего ядра, которое зиждется на диалектике общественных потребностей и способностей. По аналогии: новый общественный строй, в конечном счете, побеждает устаревший, прежде всего, благодаря качественно новым стимулам и мотивам общественного производства, обмена, распределения и потребления. Если обратиться к креативным инженерным проектам Леонардо да Винчи, то очевидно, что они на века опередили свое время и были заметно «опережающими мыслями». Когда же наступил промышленный век, «синдром да Винчи» приходилось открывать заново как норму общественного производства.

Так и с инновациями. Страны, которые еще находятся на традиционной стадии развития и обладают значительным экстенсивным ресурсом (например, Россия как энергетическая «сверхдержава»), несмотря на точечные креативные сдвиги, еще не выработали систему потребностей инновационного прорыва и вынуждены констатировать, что даже бизнес к нему необходимо принуждать. По контрасту: Япония, почти целиком лишенная полезных ископаемых и энергетических ресурсов, но полная решимости добиться инновационного прорыва, начала с заимствований (вплоть до промышленного шпионажа) и пришла к статусу высокоразвитой страны со сформированной массовой ментальной способностью к инновационной деятельности.

Однако, при всей приоритетности ядра системы, она, подобно колесу, не сводима к своей оси и, в сущности, без «спиц», не является таковой. «Спицы» – это подсистемы инноваций, начиная от транснациональной рыночной конкуренции и заканчивая научным обеспечением и регулированием взаимосвязей государственно-частного, межгосударственного и международного партнерства. Здесь в определенной мере равноценны, хотя и специфичны, как производители инновационного продукта, так и его потребители, ибо без массовой потребности в нем данный продукт останется невостребованным «синдромом да Винчи».

Системная целостность указанного комплекса факторов заключается в том, что он, с одной стороны, нежизнеспособен без постоянного расширенного воспроизводства своего системообразующего ядра – назревшей потребности/способности к инновационной деятельности, которая проецируется на свои подсистемы, а с другой, – названные подсистемы взаимосвязаны не только со своим ядром, но и друг с другом. В результате формируется и развивается кумулятивный эффект, когда система является не просто суммой своих составных, а качественно превосходит их. Примеры такого эффекта или его дефицита многолики, начиная от профессиональной неготовности производителей к креативной деятельности в результате их подготовки в режиме традиционного (стационарного) образования и заканчивая «потемкинскими деревнями» декларируемого, но еще не эффективного

государственно-частного партнерства. Рациональное управление системой инновационной деятельности предполагает комплекс особенностей.

Во-первых, в равной мере необходимы организационно-экономические механизмы и ментальная мотивация преодоления как ситуационно удобной инерции традиционного производства, так и «головокружения от успехов», пренебрежительного отношения ко всему ценному, тем более – непреходящему, которое было и остается незаменимым достоинством традиции. В этом смысле привязанность к земле или высокая трудоспособность в равной мере остаются не только необходимыми, но и исходными и фундаментальными факторами экологически рациональной деятельности или функционирования динамично осваиваемых интеллектуальных человеко-машинных (гибридных) систем. Их продукт – Знание сложнейших технологических и социокультурных процессов требует человекотворческого фермента – Понимания.

Во-вторых, каждое государство, выработавшее потребность/способность к инновационной деятельности, должно определенно и на долгосрочную перспективу решить, какую достойную нишу оно может и должно занять в глобальной и региональной системе международного разделения и кооперации труда.

Наконец, в-третьих, пора пересмотреть исторически сложившееся отношение к науке и как к «служанке богословия» (так было вначале), и как к фактору производства идей, но вторичному относительно производства «вещей». Не «научное сопровождение», а роль современной науки как интегратора инновационной деятельности в коэволюции с государством и бизнесом – таков императив времени.

Модернизационный процесс в Беларуси

Таково соотношение между модернизацией и инновационной деятельностью, рассмотренное на уровне предельной абстракции. На практике решение проблемы погружено в обстоятельства Современности как единства в многообразии конкретно-исторических форм и ступеней зрелости ее субъектов.

В этом аспекте понятие модернизации, а с ней и трансформации общества обычно рассматривается преимущественно в трех различных значениях: 1) как внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки, относящееся к европейскому Новому времени; 2) «догоняющая» модернизация, которую практикуют страны, не относящиеся к первой группе, но стремящиеся к этому; 3) процессы эволюционного развития наиболее модернизированных обществ (Западная Европа, Северная Америка, Япония). В таком понимании вектор модернизации однозначно западный.

Однако Б. Виттрок не случайно отмечает, что Современность «не есть единая цивилизация», а совокупность множества процессов модернизации, находящихся на различных уровнях своей зрелости и, тем не менее, определяющих «общее для всего мира состояние». Мало того, предшественник этой идеи С. Хантингтон формулирует проблему более определенно и жестко: «Все страны хотят быть современными, но не все хотят быть западными». Быть адекватными Современности на основе творческой способности к саморазвитию и его легитимации мировым сообществом – таково историческое задание для целых групп народов и государств.

Эта идея в принципе не нова, но непреходяща. Уже классик отмечал, что «самопознание народов состоит в том, чтобы созерцать себя в других народах. Для этого они должны доказать, что являют собой самостоятельные народы» [5, с. 480]. Но «всепожирающее время» вносит в гегелевскую идею существенные коррективы, и американский эксперт Ханна Параг конкретизирует их в контексте реалий современной конфигурации мировых сил и влияния: «В отличие от прошлых эпох, в наше время военная мощь не имеет решающего значения... Сегодня в расчет надо принимать другие, более весомые факторы, а именно экономическую эффективность, долю в мировом рынке, технологические инновации, запасы природных богатств, численность населения, а также нематериальные факторы... волю нации и дипломатическую искусственность» [6, с. 10].

Не все, но многие из этих факторов характеризуют Республику Беларусь. «Собирание» постсоветского пространства фактически началось с Союзного государства

России и Беларуси, и наша страна – одна из трех, входящих в Таможенный союз и ЕЭП, сопричастна к строительству Евразийского экономического союза.

Испанский политолог К. Кастанеда отмечает, что «стратегия – удел сильных игроков, мир слабых обходится без стратегии» [7, с. 12]. Видимо, речь должна идти не о фатальном «уделе» (судьбе), а об осознанном выборе и реализации адекватной реальности стратегии модернизации Республики Беларусь в современном сложном и динамичном мире. Модернизации, которая ориентирует на главный ресурс страны – человеческий капитал и его интеллектуальный потенциал. Реальная субъектность Беларуси в этом процессе подтверждается, как известно, авторитетными международными рейтингами.

Очевидно, что государства, и в их числе Республика Беларусь, остаются значимыми «игроками» в новой системе взаимосвязей в той мере, которая обусловлена не столько их масштабами и геоэкономическим весом, сколько способностью к творческой адаптации и пассионарностью. Однако такое устойчивое состояние – не «дар Божий», а относительно длительный и нередко драматический процесс.

Трансформация Беларуси в высокоразвитое общество – таков национальный приоритет, с которым согласны практически все. В основании консенсуса – объективное совпадение интересов различных общественных сил. По всему их спектру – от «левых» до «правых» – есть осознание императивности технико-экономических, социальных и духовных перемен. Исходная проблема – в разночтениях вокруг смыслов, форм, технологий и темпов этих ориентаций.

По всему периметру проблем Беларусь оказалась перед вызовом Современности – как народ с богатой духовной традицией и высоким человеческим капиталом, как общество, взывающее свободы и справедливости для всех, как государство, вставшее перед необходимостью самоутверждения. Общецивилизационные прозападные проекты реформации страны, основанные на апелляции к общечеловеческим ценностям либеральной демократии, выявили свою неэффективность вне конкретного месторазвития (термин П. Савицкого), или национальной «почвы». В равной мере обна-

КАКИЕ ПРОЕКТЫ НУЖНЫ ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ

Источник: Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию.

© Инфографика

ружилась бесперспективность и опасность этнократических ориентаций. Исход заключался в трансформации общечеловеческого опыта и ценностей в контексте уникальных культурно-цивилизационных особенностей Беларуси.

В связи с этим полезно обратиться к опыту других государств. Повсюду он свидетельствует о «железном» законе примата политики над экономикой, подчинения экономики «общественному благу». В Конституции Германии подчеркивается: «Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общественному благу». Конституция Испании синхронно гласит: «Все виды богатства страны, независимо от собственника, служат общественным интересам». В Конституции Италии отмечается: «Частная собственность признается и гарантируется законом, который определяет способы ее приобретения и пользования, а также ее пределы с целью обеспечения ее социальной функции и доступности для всех». Конституция Турции обращает внимание на то, что «осуществление права собственности не должно противоречить общественным интересам». Согласно Конституции формально «азиатской» Японии, «право собственности определяется зако-

ном с тем, чтобы оно не противоречило общественному благу».

Здесь сознательно представлены политико-правовые гарантии различных форм собственности как высокоразвитых государств Запада и Востока (Япония), так и т.н. «развивающегося» государства (Турция), с которым у Беларуси много общего по степени среднеиндустриальной зрелости. Зная критические этапы развития этих стран и их альянсов (Евросоюз), можно с уверенностью утверждать, что, прежде всего, политика – внутренняя и внешняя – требует решительной смены курса для выхода из системного кризиса и решения проблем в направлении «общественного блага».

Между тем с позиций интегрального критерия общественной практики формы производительных сил можно определять механически, навязывая их производству командно-административным путем, или органически, формируя и регулируя их в соответствии с объективной логикой – характером и уровнем реального обобществления труда, производства и управления.

Какой же выбор наиболее адекватен экономическим интересам и ценностным ориентациям народа Беларуси? Для одних типичный белорус – собственник, антиколлективист, и в белорусском языке слово «скарб» звучит уважительно, в отличие от русского, традиционно пренебрежительного отношения к нему. По мнению белорусского исследователя начала прошлого века А. Цвикевича, «общины как соответствующей формы землепользования на Беларуси никогда не было; тут извечно были развиты индивидуальные, подворные формы крестьянского землепользования». Это верно лишь отчасти. Общий процент общинных владений в Великороссии в начале XIX века колебался в разных районах от 89 до 98 %, почти таким же он был в Восточной Армении – 86 %, относительно высок в Бессарабии – 77 %, зато в Беларуси и левобережной Украине составлял 35 %, а в Грузии и Литве, у финского населения Российской империи вообще был равен нулю [8, с. 61]. О «двойственности» белоруса свидетельствуют и социологические данные: интерес к фермерству проявляют многие, но практически стать фермерами желают лишь 7,5 %. Видимо, дело не столько в «деформации» белорусской ментальности колхозно-совхозной практикой

или в недостаточной заинтересованности государства. Они сами – следствие более глубоких оснований: во-первых, «дистанция огромного размера» в ментальности народа между традиционным крестьянским хозяйством и современными структурами и методами хозяйствования и, во-вторых, стойкое двуединство «литвинского» и «русинского» начал в народном менталитете. Первое продуцирует, в основном, экономический индивидуализм, второе – устойчивый (в том числе и ментальный) общинный тип хозяйствования.

Синтез обоих принципов, преломленных в интересах развития производительных сил в зависимости от их характера и уровня, индивидуалистского или коллективистского архетипов, способен создать эффективную экономику «третьего пути». Это не будет ни либеральный капитализм, ни «рыночный социализм». Подобный синтез удачно определяется понятием с явным ценностным окрасом – солидаризм. В идеологической лексике белорусского государства этого понятия нет. Но принцип солидаризма может стать одним из важнейших столпов объединительной национальной идеи, ее реализации не только в экономической, но и в общественно-политической сфере.

Такова, по сути, основная интенция Президента Республики Беларусь. Даже представители белорусской оппозиции согласны с тем, что «ему нравится социализм, но не советского образца». «Я хотел бы, чтобы мы, если исходить из традиционных понятий, строили у себя социализм. Не тот социализм, который мы строили в Советском Союзе и изучали по учебникам, – заявил А. Лукашенко 11 декабря 2012 года на встрече с членами Клуба главных редакторов стран СНГ, Балтии и Грузии. – Это что-то от Франции. Мне, допустим, импонирует название Социалистическая партия Франции... Корень социализма – это социально ориентированная экономика». Трансформация нашего общества актуализирует проблему степени соответствия ей «белорусской модели» социально-экономического развития. С точки зрения бывшего диссидента периода застоя СССР, а ныне во многом переоценившего свои взгляды Р. Медведева, «...из более чем 20 стран Восточной Европы только одна Республика Беларусь сохранила верность тому, что принято называть социалистическим выбором». Во

имя этой цели, отмечает он, в Беларуси «сохранилась централизованная плановая экономика». «Рыночная стихия могла только разрушить экономику республики, как она разрушила ее в России и в Украине. Однако уже с 2007 года в Беларуси началось осторожное внедрение некоторых новых форм хозяйствования. Эту работу не называют здесь реформами. Говорят об улучшениях, трансформации, о совершенствовании». Так или иначе, если исходить из прагматических позиций, «Александр Лукашенко создал после 1994 года весьма эффективную систему управления экономикой и ее стимулирования, которую можно было бы назвать «белорусской моделью» и которая работает пока еще гораздо лучше самых разнообразных российских и украинских моделей» [9, с. 4, 7, 23, 29].

Вообще о белорусской «экономической модели» впервые было сказано на Втором Всебелорусском народном собрании в 2001 году. В отличие от принятой в других странах Центральной Европы формулы «рыночной экономики», Беларусь, пишет автор статьи, «претендует на более обязывающий и содержательный статус, аналогичный тому, что еще в начале 80-х предложил своей стране Дэн Сяопин, – статус страны с социалистической рыночной экономикой... Александр Лукашенко не раз определял основы белорусской экономики как «рыночный социализм» [9, с. 26].

Если обратиться к первоисточнику – заявлениям самого Президента, то он определяет «белорусскую модель» на порядок более емко и «двузначно»: «...эту экономику и политику можно назвать социалистической... Однако если учесть, что у нас беспрепятственно развивается частная собственность, у нас абсолютно свободный финансовый рынок, абсолютно рыночные отношения в нашей стране, то все это присуще капиталистической экономике. Мы осознаем, в каком направлении развивается мир, и мы не собираемся оставаться на обочине этого развития» [9, с. 26].

А на стремные Современности – прощание с рыночным фундаментализмом и поворот к управляемости рыночных отношений. Достаточно заметить, что лауреат Нобелевской премии К.П. Поланьи в труде «Великая трансформация» убедительно показал, что свободный рынок – это миф: он нигде и никогда не существовал и существо-

вать не может. «Поэтому, – предупреждает мыслитель, – общество, где безудержно развивается рыночная экономика, ожидает катастрофа» [10].

Самая трудоемкая проблема – в практике синтеза противоположностей – конкурентоспособности и справедливости, который уже перестал быть монополией серьезно озабоченных своей социализацией развитых стран. Отмечается, что «государство остается основной референтной системой координат развития, но даже сам традиционный путь измерения его успехов с помощью показателей роста ВВП ставится сегодня под вопрос, как не оправдывающий себя ориентир. В рамках публичного дискурса обсуждаются альтернативные показатели, основанные на оценке индивидуального благосостояния людей и на достижении большего социального равенства» [11, p. 3].

Очевидно, новому подходу, как и всякому иному, противопоставлен максимализм. Полностью отказаться от показателя ВВП невозможно, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, страны т.н. ближнего и дальнего зарубежья не спешат расстаться с ним как одним из ориентиров выполнения своих антикризисных программ, да и дальнейшего посткризисного развития. Во-вторых, определенная сумма материального богатства – исходный пункт его расширенного воспроизводства. Иное дело – как им распорядиться. И здесь уместно вернуться к понятию оптимума – не много, не мало, а ровно столько, сколько необходимо для высокопроизводительного труда при минимальной затрате человеческих и материальных ресурсов. В противном случае «мы растем, но не развиваемся».

Иными словами, конструктивный исход – в крупномасштабной модернизации как трансформации не только экономической, но и социально-политической жизни, – ее во многом новой для Беларуси либерализации и дальнейшей демократизации.

При этом стоит еще раз подчеркнуть, что важно не только понимать, но и чувствовать допустимую грань государственного регулирования в конкретно-исторических условиях. Сегодня ясно, что либеральный фундаментализм довел Запад «до жизни такой», и там приходят к необходимости его ограничения. В нашей же белорусской реальности госрегулирование, необходи-

мое в 1990-х для буквального спасения экономики от либерального погрома и социально-политической нестабильности, перешло меру такого воздействия, и

ее необходимо выстраивать практически заново [12].

Это не просто инновационная, а, по сути, судьбоносная сверхзадача назревшего этапа модернизации страны. И она относится не только к Беларуси, но и к союзной с нами России, всем государствам СНГ. Сегодня жизненно важно данную проблему не «заболтать», а обеспечить реализацию ее практико-гуманистического смысла.

Очевидное преимущество Беларуси в этом процессе состоит в том, что «крепость» модели ее развития уже традиционно обеспечена последовательной социализацией, защитой интересов человека труда.

Необходимо сознавать: развитие общества, конечно, предполагает стабильное воспроизводство его устоев, однако ни в коем случае не сводится к нему, а императивно требует непрерывной динамики. Мы находимся не в изолированной «крепости», а на автобане Современности, и, говоря словами Президента Республики Беларусь, «не собираемся оставаться на обочине этого развития». Крепость берегов реки нашей жизни необходимая и фундаментальная, но все же это – лишь предпосылка ее свободного и динамичного потока. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Виттрок, Б. Современность: одна, ни одной или множество? / Б. Виттрок // Полис. – 2002. – № 1. – С. 141–159.
2. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 26. – М., 1969.
3. Принуждение к инновациям: стратегия для России: сб. статей и материалов / под ред. В.Л. Иноземцева – М.: Центр постиндустриального общества, 2009. – 288 с.
4. Кудров, В. Инновационная экономика – веление времени / В. Кудров // Современная Европа. – 2009. – № 2. – С. 118–139.
5. Гегель, Г. Философия права / Г. Гегель; пер. с нем. / ред. и сост. Д.А. Коримов, В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
6. Параг, Х. Второй мир / Х. Параг. – М.: Европа, 2010. – 616 с.
7. Кастанеда, К. Путешествие в Икстлан / К. Кастанеда. – Киев, 2008.
8. Лурье, С.В. Восприятие народом осваиваемой территории / С.В. Лурье // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 61–74.
9. Медведев, Р. Белорусская крепость / Р. Медведев // Беларуская думка. – 2010. – № 11. – С. 108–141.
10. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи; пер. с англ. А. Васильева, С. Федорова, А. Шурбелева; под общ. ред. С. Федорова. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
11. Human Development Report 2013: The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World. – 2013.
12. Бобков, В.А, Левяш, И.Я. Логика экономического и политического реализма: взгляд из Беларуси / В.А. Бобков, И.Я. Левяш // Научный эксперт. – 2009. – № 11. – С. 67–80.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Идет подписка на «Беларускую думку» на II полугодие 2015 года!

«БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»

74938 – ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПОДПИСКА.

Стоимость: 1 мес. – 16 700 руб., 3 мес. – 50 100 руб.,
6 мес. – 100 200 руб.

749382 – ВЕДОМСТВЕННАЯ ПОДПИСКА.

Стоимость: 1 мес. – 39 702 руб., 3 мес. – 119 106 руб.,
6 мес. – 238 212 руб. (включая НДС).

**СТОИМОСТЬ ЖУРНАЛА ПО ПОДПИСКЕ –
В 2 РАЗА НИЖЕ РОЗНИЧНОЙ**